

ПОСЛЕДНИЙ СМОТРИТЕЛЬ МАЯКОВ

и
Софья Зоренина

Софья Зоренина

Последний смотритель маяков

«Автор»

2026

Зоренина С.

Последний смотритель маяков / С. Зоренина — «Автор», 2026

Можно ли доверять своим глазам, когда с необитаемого острова приходит сигнал? Илья приехал на последний маяк перед его отключением. До конца смены — часы, за окном шторм, а в темноте вспыхивают три огня. По правилу отвечать нельзя. Но вдруг там ждут помощи? В помехах и дневнике прежнего смотрителя Илья ищет объяснение — и замечает, как страх превращает догадки в «факты». Чтобы не подвергнуть опасности других, ему придётся проверять версии, просить поддержки и отвечать за каждый шаг. «Последний смотритель маяков» — история о загадочных сигналах, трудных переменах и мужестве оставаться честным перед собой. Это роман для тех, кому знакома неопределённость и кто хочет не терять ясность, когда готовых ответов нет. Иногда неизвестное нельзя победить. Но можно отделить его от вымысла, принять помощь и выбрать следующий шаг. Книга создана с помощью ИИ. Обложка: GPT Image - Лицензия

© Зоренина С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Человек, которому нужен был горизонт	6
Назначение на последний маяк	10
Башня и правило не отвечать	15
Три вспышки с заброшенного острова	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Софья Зоренина

Последний смотритель маяков

Последний смотритель маяков

Софья Зоренина

Человек, которому нужен был горизонт

Илья упер плечо в дверь маяка и протолкнул внутрь ящик с предохранителями, не дав ему удариться о каменный порог. Ветер навалился следом, загнал в тамбур солёную пыль. До смены оставалось сорок минут. До отключения маяка — одна ночь.

Он поставил ящик на скамью и прижал дверь, пока замок не вошёл в паз. Старое здание ответило привычным глухим стоном. Соль разъела железные петли, краска на раме поднялась пузырями. На полу темнели следы воды, хотя крыша над тамбуром была цела. Илья снял перчатки, провёл пальцем по стене и посмотрел на серый налёт.

— Ещё один сезон, и он бы сам отключился, — сказал он.

Ветер за дверью не возразил.

На мыс его доставили служебным катером. Шкипер высадил Илью, выгрузил ящик и дважды спросил, точно ли тот не хочет забрать с собой старую оптику. Илья ответил, что оборудование числится на балансе. Шкипер пожал плечами, оттолкнулся от камней и ушёл, не дожидаясь, пока маячник помашет ему вслед.

Катер уже исчез за мысом. На берегу остались мокрые камни, ящик и колея, по которой его тащили от причала. Илья сверил часы. Девять минут до начала последней вахты.

В службе маяков больше не составляли расписание смен. Составляли графики отключения, передачи имущества и вывоза того, что ещё можно было использовать. На официальном бланке напротив мыса стояла короткая запись: «Обслуживание прекращено. Автоматизация признана достаточной». Под ней — подпись начальника управления и дата.

Илья убрал бумагу в карман. Ветер гнул траву на склоне, и с моря тянуло сыростью. Он запер наружную дверь, достал из ящика инструменты и начал осмотр.

Сначала проверил кабельный ввод. Изоляция целая. Затем — ручной привод поворотного механизма, подшипники и тормоз. Смазка потемнела, но вращение шло ровно. Он разогнул пальцами стальной щуп, осторожно провёл по краю корпуса и убрал в карман. Работа требовала внимания, а внимание было послушным: стоило дать ему задачу, и оно занимало всё пространство.

В машинном отделении пахло маслом, влажным камнем и старым деревом. Илья включил аварийное питание, дождался, пока генератор наберёт обороты, и проверил напряжение. Стрелка прибора встала чуть ниже отметки нормы. Он повторил замер другим тестером.

Результат не изменился.

Илья записал показания в акт, проверил контакт на клемме и затянул винт на четверть оборота. Стрелка поднялась в нужное положение. Он постоял у щита, слушая, как генератор ровно тянет воздух. Потом выключил аварийную линию и поставил галочку напротив пункта «Резервный источник исправен».

На лестнице, ведущей к фонарному помещению, ступени скрипели так же, как десять лет назад. На третьей скрип был ниже, на шестой — резкий, короткий. Илья знал их на слух и потому не смотрел под ноги. На площадке он задержался перед дверью, сдвинул с плеча ремень сумки и толкнул створку.

Оптика стояла неподвижно в центре стеклянной комнаты. Высокие окна были покрыты соляными разводами. В ясную погоду отсюда открывался весь пролив; теперь море было матовым, свинцовым, а дальний горизонт почти сливался с небом.

Илья осмотрел линзы, проверил привод и мягкой тканью вытер край стеклянного защитного кожуха. Потом запустил механизм. Башня наполнилась негромким гудением. Линза пошла по кругу, медленно и ровно, отбрасывая на стены длинные полосы света. Он следил за движением, пока не завершился полный оборот.

Всё работало.

Сказанное вслух почему-то прозвучало не как отчёт, а как вопрос.

Он выключил привод и спустился в комнату дежурного. Там стояли железная койка, стол, печь с облупившейся дверцей и шкаф для журналов. На стене висела карта пролива. Илья снял её с крючка, расправил на столе и прижал углы отвёрткой.

Восточнее мыса лежала чистая голубая пустота. На официальной карте не было ни берега, ни островов, ни даже опасной отмели. Только отметка глубины и тонкая пунктирная линия, обозначающая границу сектора.

Илья провёл по ней пальцем. Потом свернул карту и повесил обратно.

Рядом с журналом лежала старая эмалированная кружка с синей полосой. Он поднял её, чтобы освободить место на столе. На доньшке сохранилась выцветшая фамилия, написанная чёрным маркером. Илья перевернул кружку надписью к столу и поставил на верхнюю полку. Потом достал свою — без рисунка, с отколотым краем — и налил из термоса остывший чай.

До начала смены оставалось две минуты.

Илья открыл журнал. Последние страницы были пусты. На предыдущих, заполненных много лет назад, рядом с его ровными записями шёл другой почерк: быстрый, угловатый, с длинными хвостами у букв. Он перелистнул страницу, не дочитав строку, и взял ручку.

Сначала записал дату, время заступления и состояние оборудования. Подпись поставил в графе «Дежурный». Чернила слегка расплылись на шероховатой бумаге.

Затем открыл папку с инструкцией по отключению. Шаги были перечислены просто и безлично: остановить привод, перевести питание в положение «выключено», снять контрольные показания, опечатать щит, передать ключ ответственному сотруднику. Всё умещалось на одной странице. Внизу стояла подпись: «Отклонения от установленного порядка не допускаются».

Илья сверил инструкцию с актом. Дважды. На третий раз поймал себя на том, что снова проверяет уже отмеченный пункт, и закрыл папку.

Он вынул из шкафа чистый лист, сложил его пополам и провёл линейкой вертикальную черту. Над первой колонкой написал: «Что я обязан сделать». Над второй: «Чего я боюсь».

Перо задержалось у второго заголовка. Потом Илья аккуратно поставил точку в конце слова «боюсь» и вернулся к первой колонке.

Записал: проверить основное питание; испытать резервный генератор; осмотреть оптику; вести журнал до передачи объекта; в шесть утра отключить привод и питание; закрыть и опечатать щит. Подумал, добавил «проверить все контакты повторно», но перечеркнул эту строку. Контакты уже были проверены. Никакой дополнительной ответственности в повторе не появлялось.

Вторая колонка осталась пустой.

Илья вложил лист в журнал и поднялся в фонарную комнату. Было время включить основной привод. До отключения оставалась последняя ночь, и маяк должен был провести её так, как проводил все предыдущие: принять сигнал от берега, повернуть линзу, показать судну безопасный проход между скалами.

Он запустил механизм и проверил телефонную связь с диспетчерской.

— Мыс принял, — сказал он.

В трубке сперва потрескивало. Потом ответил женский голос:

— Слышу. Показания по резерву передали?

— Да. Генератор исправен, основной привод исправен.

— Хорошо. Отключение после рассвета. Передатчик и журнал сдадите по списку. Бригада подойдёт к восьми.

Илья взглянул на старую башню, на стены, которые не были упомянуты ни в одном списке.

— Если будет отклонение от нормы, сообщать сразу?

— Конечно. В инструкции порядок тот же, что и в остальных случаях.

— Понял.

— Есть ещё вопросы?

Он посмотрел в окно. Облака низко накрывали море.

— Нет.

Связь оборвалась. Илья положил трубку на место и ещё несколько секунд держал руку на рычаге. Инструкция объясняла, что делать с каждым прибором, но не подсказывала, куда деть ладонь, когда разговор закончен.

На кухонной полке стояла жестяная банка с сухарями. Он съел один, крошки собрал ладонью и выбросил в мусорное ведро. Потом вымыл кружку. Вода шла тонкой струёй, стучала по металлу и стекала в раковину, как дождь по оконному карнизу.

Часы показывали без четверти десять. До рассвета было далеко.

Илья обошёл здание ещё раз. Проверил запор на двери, осмотрел ограждение площадки и потянулся к фонарю, который раньше всегда брал с собой на внешний обход. Фонарь был исправен. Он положил его обратно на полку. Ночь была ясная настолько, чтобы не нуждаться в лишнем свете.

В комнате дежурного он сел за стол и открыл журнал на странице с двумя колонками. Первая была заполнена мелким почерком. Вторая оставалась белой. Илья накрыл её ладонью, будто хотел защитить от сквозняка, хотя окна были закрыты.

Затем снял руку и посмотрел в сторону востока.

В этом направлении за горизонтом находились старые острова. На служебных картах их не было. В старом архиве маяка они упоминались в нескольких записях, но Илья никогда не видел надёжного изображения береговой линии. Когда-то там стояли строения, потом их покинули. Что именно находилось на островах теперь, в ведомости не значилось. Для службы они перестали существовать.

Илья знал об этом давно и ни разу не считал нужным проверять. На картах были все места, за которые он отвечал. Всё остальное оставалось за пределами его смены.

Он погасил настольную лампу, оставив включённым маячный привод, и поднялся в фонарную комнату. Линза продолжала свой равномерный ход. Через каждый оборот свет проходил по воде и уходил в ночь. Илья встал у восточного окна. Небо на дальнем краю просветлело, но это был не рассвет, а узкая полоса между тучами и морем.

Он сравнил видимый горизонт с показаниями компаса. Восточный сектор. Направление около восьмидесяти трёх градусов.

На электронном часе сменились цифры: 22:17.

Сначала Илья решил, что увидел отражение света на воде. Он отвёл взгляд от окна, посмотрел на линзу, дождался завершения её оборота и вернулся к горизонту.

Там была темнота.

Затем на востоке коротко вспыхнул огонёк. Он погас, и море снова стало сплошным чёрным полем.

Илья не отошёл от стекла. Он снял с пояса карманные часы, сверил время с электронным и занёс пальцем на оконной раме место, где возник свет. Пауза растянулась. Ни один прибор в башне не изменил звука. Привод продолжал вращаться.

Через несколько секунд огонёк вспыхнул снова, чуть левее прежней точки.

Илья пошёл к столу за журналом, но остановился на середине лестницы. Он вернулся к окну и поднял бинокль. На линзах лежали соляные разводы. Он протёр их рукавом, приложил бинокль к глазам и посмотрел на восток. В поле зрения была только тёмная кромка моря.

Третий огонёк возник через такую же паузу. Он был коротким и чётким. Потом исчез.

Илья опустил бинокль.

В башне снова оставались только гул механизма, сухой треск лампы и ветер за стеклом. Он не стал искать объяснение. Не позвонил в диспетчерскую, не проверил проводку и не сказал себе, что это мог быть случайный отблеск. Он спустился в комнату, открыл журнал и вписал в первую колонку: «Зафиксировать наблюдение и передать сведения». Затем добавил во вторую: «Боюсь, что после отключения маяка больше никому не понадобится».

Почерк получился ровнее, чем он ожидал.

На отдельной странице Илья указал время: 22:17. Направление: восток, азимут 083°. Число сигналов: три короткие вспышки.

Он поставил точку после последней цифры, но ручку не убрал. Потом поднял голову и посмотрел на пустую карту пролива. Утром сюда должна была прийти бригада за ключами. На бумаге его вахта закончится, как и было предписано. Однако в журнале уже появилась запись, для которой не нашлось строки в инструкции.

Назначение на последний маяк

Илья не убрал ручку. Он перечитал строку в журнале: «Число сигналов: три короткие вспышки».

Слово «короткие» теперь казалось ему слишком уверенным. Он помнил вспышки смутно: две мелькнули почти подряд, третья задержалась на мгновение дольше. В темноте мгновение могло растянуться, а усталость умела подправлять память так же незаметно, как соль — стекло. Илья не стал вычёркивать запись. На полях добавил: «Первичное впечатление. Длительность не измерялась».

Потом перевернул страницу и начертил таблицу. Время. Погода. Направление. Длительность. Возможные источники. Уверенность.

Ему хотелось написать в последней графе: «Человек». Или: «Зов». Он удержался и оставил её пустой.

Снаружи ветер бил в башню порывами, будто проверял, крепко ли та стоит на скале. В стекле дрожал отражённый свет лампы. Илья взглянул на часы: 22:20. Через минуту луч маяка прошёл по восточному сектору, задел оконную раму и исчез над водой.

Он надел куртку, взял фонарь и поднялся на галерею. Там пахло мокрым металлом и холодным камнем. Стекло обзорной части было покрыто мелкими каплями снаружи; изнутри оставалось чистым. Илья протёр его сухой тканью, потом проверил соседние панели, одну за другой. Ни трещин, ни отслоившейся краски, ни пятна, которое могло бы поймать свет и отразить его в море.

Он остановился у восточного окна. За мысом вода сливалась с низкими облаками. Остров Каменка был не виден, но направление он знал наизусть: восемьдесят три градуса. Илья приложил к компасу линейку, закреплённую на внутренней стене галереи. Угол совпал с тем, что он записал в журнале.

Чтобы проверить, не создаёт ли отблеск сам маяк, Илья перешёл на три шага влево. Светильник продолжал вращаться в обычном ритме, раз в двадцать секунд проводя белой полосой по воде. Он переместился ещё на два шага, посмотрел сквозь другую панель, затем вернулся к первой. На стекле не возникло ни одного бледного пятна. Восточный горизонт оставался тёмным.

Он спустился в аппаратную и сверил часы с радиосигналом. Расхождение составило четыре секунды. Он поправил время на наручных часах, вернулся наверх и положил бинокль на край подоконника.

В его руках всё ещё оставалось объяснение, которое он мог принять без труда: усталость, туман, случайный свет судна. Это объяснение приносило облегчение, но не отвечало на вопрос, почему сигнал был направлен именно на Каменку и почему возникал там, где на карте не значилось ни одного действующего огня.

В 22:26 Илья связался с диспетчерской.

— Пост «Коса», докладываю наблюдение. В 22:17, азимут восемьдесят три градуса, три вспышки со стороны острова Каменка. Повторного сигнала пока не было. Проверяю оптику и сектор обзора.

В эфире шуршало. Потом отозвался диспетчер Лебедев:

— Принял. Видимость?

— Около двух с половиной миль. Мгла над водой, низкая облачность. Ветер северо-восточный, четырнадцать узлов.

— Илья, это старые островные огни. В такую погоду люди видят что угодно. Ты сам устал, у тебя последняя ночь.

Лебедев говорил без насмешки, но и без интереса. Он, вероятно, смотрел на расписание, где напротив имени Ильи уже стояла отметка о сдаче ключей. Через несколько часов бригада должна была прибыть на станцию.

— На Каменке нет действующего маяка, — сказал Илья.

— Действующего нет. Лодки бывают. Отражения бывают. Не надо будить начальство из-за трёх огоньков.

Илья посмотрел на пустую графу карточки.

— Я не прошу отправлять судно. Просто фиксирую наблюдение.

— Тогда фиксируй и ложись спать. Утром всё равно приедет бригада.

Связь оборвалась. Илья некоторое время держал микрофон в руке. В башне снова стало слышно, как гудит механизм. Диспетчер не был неправ. Туман, усталость, случайное судно — всё это могло объяснить свет. Но фраза «старые островные огни» прозвучала так, будто такое уже случилось и все давно договорились не замечать.

Илья вернулся к карточке. Сначала заполнил строки, для которых не требовалось объяснений:

«22:17. Низкая облачность, мгла над водой, северо-восточный ветер, четырнадцать узлов. Направление: восемьдесят три градуса. Три вспышки. Длительность по памяти: не установлена».

В графе «Возможные источники» написал: «Судно; отражение; неизвестный источник на острове». Напротив каждого поставил: «возможен, уверенность низкая».

Перо задержалось над последним словом. Ему хотелось написать «вероятный», но данных для этого не было. Он поставил точку.

В 22:29:20 свет показался снова.

На этот раз Илья уже смотрел в бинокль. Вспышка возникла в том же месте, неподвижная относительно острова. Короткая. Пауза. Ещё одна короткая. Затем третья — заметно длиннее. Илья отсчитывал по секундам, не отрывая взгляда от горизонта: примерно полсекунды, полсекунды, полторы. После этого тьма сомкнулась так плотно, словно ничего не происходило.

Он не сразу отошёл от окна. Проверил часы. Потом компас. Затем ещё раз посмотрел на стекло, хотя уже знал, что оно чистое.

В карточке появилась новая строка:

«22:29:20. Три вспышки: короткая, короткая, длинная. Около 0,5; 0,5; 1,5 секунды. Азимут восемьдесят три градуса. Уверенность в направлении высокая, в длительности средняя».

В поле возможных источников он добавил: «Судно — возможно, но источник сохраняет направление. Отражение от стекла — маловероятно».

Он снова связался с диспетчерской.

— Повтор в 22:29:20. Последовательность: короткая, короткая, длинная. Направление прежнее.

Лебедев ответил не сразу.

— Ты уверен, что не засёк собственный маяк?

— Наш луч проходит сектор за двадцать секунд. Эти вспышки стоят в одном направлении и не совпадают с его циклом.

— Проверь ещё раз. И не выходи на галерею, если стекло обледенело.

— Проверил. Стекло чистое, механизм работает штатно.

— Хорошо. Я записал. Но на остров ночью не ходи.

В голосе диспетчера впервые проступило что-то кроме усталости. Не страх, скорее осторожность человека, которому приходится отвечать за чужую безопасность.

— Не собираюсь, — сказал Илья.

Он снял с полки журнал приливов и раскрыл нужную страницу. Вода поднималась, разворот прилива ожидался после полуночи. На листе, приколотом к стене, была схема течений у

Каменки. Вдоль восточного берега проходила полоса мелей. Течение там меняло направление медленнее, чем в проливе, и при тумане могло сбить с курса даже знакомого с местностью человека.

Илья сверил время сигнала с приливной таблицей. Первая вспышка пришлась на восходящую воду. Вторая тоже. Пока это ничего не доказывало: за двенадцать минут уровень моря изменялся слишком мало. Но ему пришлось отодвинуть вариант с бликом на мокрых камнях, который он уже успел представить и почти принять. Прилив не объяснял появления повторяющейся последовательности в одном и том же направлении.

Он достал старую карту района. Каменка на ней была отмечена серым цветом. Поселение закрыли одиннадцать лет назад, электрический кабель сняли, генератор вывезли. На карте не было ни причала, ни постоянного навигационного огня. Это означало лишь, что там не должно было быть официального источника света. Лодка могла подойти к берегу. Кто-то мог привезти фонарь. А запись в старом журнале могла быть неполной.

В 22:41:40 вспышки повторились.

Короткая. Короткая. Длинная.

Илья посмотрел на часы, отметил время начала и засёк промежуток. Он не успел бы убедительно объяснить, почему рука сжалась на кнопке секундомера. Но когда свет погас, на дисплее было 12 минут 20 секунд с предыдущего наблюдения.

Он записал интервал и поставил рядом: «Повтор один раз. Нужна дальнейшая проверка».

На этот раз он не позвонил диспетчеру сразу. Сначала проверил гироскопический компас, затем ручной. Оба показывали прежнее направление. Он спустился к радиостанции, сверил сведения о судах, запросил движение в восточной части пролива. В официальном списке ближайших судов не было. Это не исключало маленькой лодки с выключенным передатчиком. Илья записал и это.

На столе лежала карточка. Теперь в ней были три возможных источника и ни одного готового ответа. От такого порядка тревога не исчезла. Зато стала меньше похожа на тёмную комнату, в которой можно наткнуться на что угодно.

В 22:54:00 свет повторился в третий раз. Та же последовательность, то же направление. Между началами групп снова прошло двенадцать минут двадцать секунд.

Илья проверил цифры дважды. Потом вписал:

«22:54:00. Короткая, короткая, длинная. Интервал от предыдущего сигнала — 12 минут 20 секунд. Повтор подтверждён дважды. Уверенность в регулярности высокая. Значение последовательности неизвестно».

В графе источников он оставил прежние варианты. Ни один не исчез, но «случайное отражение» теперь занимало в его мыслях меньше места. От этого становилось не спокойнее, а честнее.

Диспетчер выслушал доклад молча.

— Три одинаковые группы? — спросил он наконец.

— Да. Интервал между второй и третьей — двенадцать минут двадцать секунд. Первый интервал совпадает по времени, но длительность первой группы я не измерил.

— Значит, первый интервал пока предварительный.

Илья удивился, услышав собственное замечание из чужих уст.

— Именно.

— Ладно. Передам начальнику смены. Но не делай выводов о маяке на острове. Его отключили одиннадцать лет назад.

— Я и не делаю.

— Утром бригада будет у тебя. Ключи им не отдавай, пока не получишь распоряжение.

— Раньше вы говорили, что они приедут за ключами.

— Раньше мы не знали о повторяющемся сигнале.

Лебедев вздохнул. На фоне слышался звонок другого телефона.

— Постарайся хотя бы посидеть. Ты на ногах с вечера.

Илья не ответил, что не хочет ложиться, потому что тогда может пропустить следующую вспышку. Такая фраза звучала бы как признание в страхе, а он пока не мог сказать, чего именно боится: сигнала или того, что тот окажется пустяком и всё закончится вместе с его работой.

Он сел у стола, но не закрыл журнал. Раз в несколько минут поглядывал на окно. В 23:06 ничего не произошло. В 23:18 тоже. На четверть часа он позволил себе отвести взгляд от восточного сектора и проверил часы механизма. Потом вернулся на галерею, снова осмотрел стекло, повторил проверку из другой точки и ещё раз убедился, что луч маяка идёт по своему циклу.

Ночь не стала яснее. Изменилось только то, что Илья перестал требовать от неё ответа.

Около пяти утра туман начал редеть. Край неба за морем посветлел, но Каменка оставалась тёмным пятном. Никаких вспышек больше не было. Илья зафиксировал время последней проверки, состояние видимости и то, что источник не наблюдался в течение четырёх часов. Он не написал «сигнал прекратился». Это было бы слишком много. Он написал: «После 22:54 повторных наблюдений не было».

В 05:37 зашипела радиостанция.

— «Коса», слышите? Это Лебедев.

— Слышу.

— Начальник смены рассмотрел вашу запись. Бригада не сможет подойти к станции раньше семи, туман ещё держится. Отключение маяка откладывается до проверки сообщения.

Илья посмотрел на ключи, лежавшие рядом с журналом. Вчера вечером они казались знаком конца: металлические зубцы, бирка с номером, место, куда он должен был положить их после передачи. Теперь это были просто ключи от двери, которую пока некому было открыть.

— Что от меня требуется? — спросил он.

— Сохранить штатный режим. Не покидать станцию без связи. Начальник смены оформляет временное назначение: до прибытия комиссии вы ответственный за маяк и за журнал наблюдений. Не больше суток, пока не решим, что делать дальше.

Илья промолчал.

В голове вспыхнула старая, знакомая фраза: «Значит, я всё-таки нужен». Она принесла облегчение, но почти сразу за ним поднялась неловкость. Неужели одного приказа хватало, чтобы измерить собственную ценность? Вчера он боялся, что без этой башни исчезнет сам. Сегодня ему предложили остаться, и он почувствовал, как легко спутать служебную обязанность с ответом на вопрос, кто ты такой.

Он взглянул на свою карточку. В ней не было ни одного слова о том, нужен ли он. Только время, погода, направление и степень уверенности.

— Назначение принимаю, — сказал Илья. — Прошу разрешить осмотр берега Каменки при дневной видимости. Вместе с прибывающей бригадой.

— Сначала дождись света и людей. Один ты туда не пойдёшь.

— Понял.

— Илья, это не приказ искать там кого-нибудь. Только осмотреть берег и вернуться. Без самостоятельности.

— Понял.

Эти слова ему понравились. Не потому, что обещали развязку, а потому, что ставили границу. Осмотреть берег. Не найти ответ во что бы то ни стало. Не доказывать, что он ещё нужен. Выполнить одну задачу и зафиксировать, что обнаружится.

В 06:48 туман начал расплзаться полосами. Сначала показалась узкая линия воды, затем — скала под старой башней на мысе. Через несколько минут у причала раздался короткий гудок. Бригада пришла на служебном катере, который должен был забрать ключи и инженеров

для подготовки к отключению. Теперь инженер с широкими плечами и мокрой шапкой вместо папки с актами принёс Илье переносной радиопередатчик.

— Это вы всю ночь смотрели на Каменку? — спросил он.

— Я всю ночь записывал, что видел.

Инженер кивнул, будто разница была ему понятна.

Илья передал ему карточки, оставив оригиналы в журнале. Вместе они проверили спасательные жилеты, закрепили компас и взяли запасной фонарь. Затем он вызвал диспетчерскую.

— «Коса» отправляется с бригадой к восточной бухте Каменки. Осмотрим берег с безопасной стороны. Прибытие сообщу отдельно.

Лебедев ответил:

— Принял. Связь каждые десять минут. Не заходите за мыс.

Катер оторвался от причала. Башня осталась позади, и её луч продолжал мерно скользить над водой. Илья держал карточку в кармане куртки, а журнал оставил на станции. Он знал, что на острове может оказаться лодка, случайный огонь, старый отражатель или вообще ничего. Все эти варианты оставались возможными.

На востоке между низкими облаками проступил рассвет. Каменка постепенно обретала форму: скалистый выступ, тёмная полоса берега, силуэт заброшенной башни. Ни один огонь не горел.

Илья посмотрел на часы и записал время выхода. Потом поднял глаза на остров. Света уже хватало, чтобы различить берег, но ещё не хватало, чтобы перестать сомневаться.

Катер сбавил ход.

Илья ждал, пока можно будет проверить берег лично.

Башня и правило не отвечать

Катер мягко ткнулся носом в каменистый берег. Илья поставил ногу на мокрый выступ и придержал борт, пока Коротков перебрасывал на сушу сумку с инструментами.

— Здесь высаживаемся, — сказал капитан. — За мыс не идём. До маяка дойдёте, если берег не обвалился.

— Дойдём до маяка и обратно.

Коротков посмотрел на башню. Она стояла выше берега, сероватая, с узкими окнами, похожими на щели в закрытых веках.

— Связь через десять минут, как договорились.

Илья поднял рацию.

— Каменка, высадка состоялась. Двигаемся к башне по южной тропе. За мыс не заходим.

Он назвал время, дождался подтверждения Лебедева и убрал рацию в нагрудный карман. На острове не горело ничего. Не было ни лодки у берега, ни свежего дыма, ни человека в проёме маяка. Только трава, пригнутая ветром, да мелкие лужи в трещинах между камнями.

Илья записал это в блокнот. Не «остров пуст». Не «на острове никого нет». Только то, что видел: «07:31. У южного берега лодок не замечено. Дым не обнаружен. Людей в поле зрения нет».

Пока они поднимались по тропе, Коротков не отставал. От моря тянуло йодом и холодным железом. Башня с каждым шагом становилась выше, но не ближе: её основание скрывала пристройка, бывшая станция, а за ней начинался короткий подъём, заваленный осыпавшейся штукатуркой.

— Вон там дверь, — сказал Коротков. — Если держится.

Дверь держалась. Верхняя петля заржавела, нижняя почти вышла из стены. Илья надавил плечом. Изнутри пахло сыростью, старой золой и чем-то сладковато-пыльным, как в закрытом шкафу с книгами.

— Я сначала осмотрю комнату, — сказал он. — Если пол пойдёт, сразу назад.

— А если там кто-то есть?

— Тогда сначала узнаем, кто.

Коротков усмехнулся, но улыбка быстро сошла с его лица.

Внутри сохранился узкий коридор и две комнаты. В первой стоял опрокинутый стул, на стене темнел прямоугольник, где когда-то висела карта. Во второй — стол, шкаф и железная печь с распахнутой заслонкой. На подоконнике лежали сухие ракушки. Свет проникал через мутные стёкла и ложился на пол бледными полосами.

Илья проверил доски у порога, затем подошёл к шкафу. Нижний ящик заело. Он не стал дёргать его сразу, а подsunул под край плоскую монтажную лопатку. Металл скрипнул. Ящик подался на ладонь и остановился.

Внутри лежали стопки бумаг, стянутые истлевшей тесьмой. Верхние листы рассыпались от прикосновения. Под ними обнаружилась небольшая книга в тёмной тканевой обложке. На обложке не было ни названия, ни фамилии. Угол обуглился, корешок вздулся от воды.

— Дневник? — спросил Коротков.

— Пока просто книга.

Илья надел перчатки, осторожно вынул её и положил на стол. На первой странице стояла дата: октябрь 1994 года. Ниже — имя: «В. М. Громов». Почерк был ровный, почти канцелярский.

Он не стал листать быстро. В старых бумагах спешка легко превращала пропуск в находку, а случайную кляксу — в знак. Илья раскрыл блокнот и провёл вертикальную черту

на свободной странице. Разделил её на три колонки и подписал: «Подтверждено», «Предположение», «Неизвестно».

Коротков заглянул через плечо.

— Это ты так теперь всё записываешь?

— Стараюсь. Иначе чужие слова быстро становятся моими выводами.

Он положил книгу рядом с блокнотом и начал с первой записи.

«12 октября. На западном берегу два огня. Корабля не было. Ветер северо-восточный, видимость достаточная. Не отвечал».

Илья перечитал строку. На полях в самом дневнике стояла короткая черта, словно автор собирался дописать ещё что-то, но передумал.

В своём блокноте он отметил: «Подтверждено: запись датирована 12 октября; автор утверждает, что видел два огня. Предположение: огни были сигналом». В третью колонку внёс: «Источник огней неизвестен».

— Если он сам был смотрителем, мог же увидеть лодку, — сказал Коротков.

— Мог. А мог и ошибиться. Здесь написано, что корабля не было, но я не знаю, куда он смотрел и как долго.

Следующая страница была затянута пятнами морской воды. Чернила расплылись, и несколько строк можно было разобрать только по нажиму пера.

«Снова после смены. Два коротких. Перерыв. Один длинный. У нас в журнале этого нет».

Илья задержал палец над последней фразой.

— Вот уже интереснее, — сказал Коротков.

— Вот уже загадочнее. Это не одно и то же.

Он перевернул страницу. На следующей почерк изменился: буквы стали крупнее, строки неровно поползли вверх.

«Реле опять не держит. Записал, что всё исправно. Если узнают, снимут с линии. Свет моргнул сам».

Илья посмотрел на Короткова.

— Это может быть объяснением.

— Или признанием, что он скрывал неисправность.

— Да. Или записью человека, который через много лет сам себе не доверяет.

В техническом журнале, лежавшем в шкафу, нашлась отметка за ту же дату: «Осмотр цепи выполнен. Замечаний нет». Под ней аккуратная подпись Громова. Но через два дня другой техник записал: «Контакт реле нестабилен, требуется замена». На листе учёта деталей была указана поставка нового реле только через шесть недель.

Илья перенёс в первую колонку даты и формулировки из документов. Рядом, во второй, написал: «Возможно, неисправность скрывали». В третьей оставил вопрос: «Когда именно перестала работать цепь?»

— Значит, его дневнику можно верить? — спросил Коротков.

— Значит, его дневник помог найти то, что стоит проверить.

Из рации донёсся треск. Илья поднял её.

— Каменка, проверка связи.

Он ответил, назвал своё местоположение и время. Лебедев подтвердил, что слышит его. Всё заняло меньше минуты. Коротков тем временем присел у стола, не касаясь бумаг.

Дальше записи шли не по порядку. Между страницами с ноябрьскими датами попадались листы, помеченные июлем. Несколько страниц были вырваны у самого корешка. Одна прилипла к соседней и отделилась только по краю, оставив на бумаге рваную бахрому. Иногда Громов писал ровно, почти сухо; иногда слова теснились, будто ему не хватало места. В одном месте он вывел: «Два огня с северного берега» — и через три строки перечеркнул: «Не с берега. За мысом». На полях добавил: «Или мне так показалось».

Илья улыбнулся — не весело, а с узнаваемым облегчением.

— Тут он хотя бы честен.

— В чём?

— В том, что не уверен.

Потом нашлась запись за 18 ноября. Дата совпадала с листом из официального журнала наблюдений. Там было указано: «Ночь ясная, ветер западный, видимость хорошая. Сигналов не было. Световой аппарат работал штатно».

В личной книге Громов написал: «В 22:14 со стороны старой каменоломни три вспышки. Первая белая, две слабее. Ответить не стал. Не знаю, кто ждёт ответа».

Илья дважды сверил дату. Затем попросил Короткова достать из шкафа журнал погоды и журнал технического обслуживания. В погодном журнале за тот вечер значились переменная облачность и порывистый ветер с запада. В техническом — проверка лампы в 21:50 и отметка «режим устойчивый». Время проверки было указано с точностью до минуты.

Он разложил книги на столе, стараясь не заслонить верхний лист дневника.

«Подтверждено: три источника датируют события 18 ноября. Официальный журнал пишет, что сигналов не было. Громов сообщает о трёх вспышках. Ветер и облачность могли изменить видимость, но не объясняют источник».

Во второй колонке: «Громов мог спутать вспышки с отблесками на облаках или стекле».

В третьей: «Видел ли их кто-нибудь ещё?»

На полях дневника он написал карандашом: «Почему не сообщил официально?» Потом, помедлив, добавил: «Ошибка? Страх наказания? Предупреждение следующему?»

Он посмотрел на эти слова. Не ответы, а три возможности. Все неприятные. Ни одна пока не подтверждалась.

— Ты разговариваешь с ним, — заметил Коротков.

— Пытаюсь понять, зачем он оставил это здесь.

— Может, просто хотел выговориться.

— Тогда почему прятал книгу в ящике?

Илья заглянул в выдвинутую полость. За бумагами обнаружился ещё один лист, сложенный вчетверо. На нём была схема острова, нарисованная от руки. К береговой линии шли короткие стрелки. Одна упиралась в место за каменоломней; рядом стояло: «не выходить на свет». Другая вела к маяку и заканчивалась незаконченной фразой: «Если ответить, они поймут, что мы...»

Последнее слово было стёрто до серого пятна.

Илья ощутил, как холодеет кожа под воротником. Он выпрямился и посмотрел в окно. Снаружи ничего не изменилось: камни, мокрая трава, неподвижное море.

Затем в верхней части башни сверкнуло.

Один короткий белый отблеск — в узком окне над лестницей. Илья застыл. Коротков резко повернулся туда же.

— Видел?

— Видел свет в окне.

— Кто-то внутри?

— Не знаю.

Илья уже вытащил из сумки маленький сигнальный фонарь. Его большой палец лёг на кнопку. Всего один короткий сигнал в ответ — и неизвестность хотя бы получит направление. Так легко было объяснить любопытство необходимостью.

Он вспомнил строчку из дневника: «Не знаю, кто ждёт ответа».

Фонарь остался выключенным.

Илья записал время. В блокноте, в колонке «Подтверждено»: «08:46. Однократный белый отблеск в верхнем окне башни, длительность менее секунды». В «Предположение»:

«Возможно, намеренная вспышка». В «Неизвестно»: «Источник света; был ли это сигнал; кому он мог быть адресован».

— Позвони Лебедеву, — сказал Коротков.

Илья передал сообщение по рации. Описал только то, что видел, и отдельно добавил: «На вспышку не отвечал». Лебедев попросил не покидать здание до следующей проверки связи и проверить, нет ли людей у основания башни. Илья согласился, но один внутрь башни не пошёл. Они с Коротковым обошли станцию с южной стороны, держась в поле зрения друг друга. Ни свежих следов, ни открытых дверей, ни человека не обнаружили.

Когда они вернулись к столу, дневник Громова лежал раскрытым на странице, которую Илья не заметил раньше. Бумага была склеена с обложкой, и он отделил её осторожно, подкладывая под край тонкую пластину. Почерк здесь снова изменился. Строки были короткими, нажим сильнее, некоторые буквы продавлены почти насквозь.

«15 ноября. В официальном журнале написал: сигналов не было. Так безопаснее. Если записать, что видел, придётся объяснять, почему ответил в прошлый раз».

Илья не сразу поднял глаза. На полях он уже собирался написать: «Значит, он лгал». Карандаш коснулся бумаги, но остановился.

— Может, он испугался последствий, — сказал Коротков.

— Или пытался скрыть прежнюю ошибку. Или понял, что его ответы кому-то навредили.

— А может, всё это из-за неисправного реле.

— Может.

Илья оставил формулировку незаконченной. В его блокноте так и остались три колонки. Не всякая пустота требует немедленного заполнения.

В шкафу, за журналами, нашлась тонкая папка с надписью «Передача смены». На обложке проступала выцветшая печать. Внутри лежали акт закрытия станции, несколько распоряжений и лист с датой 16 ноября 1994 года. Внизу стояла машинописная строка: «Сменная группа № 6 к месту службы не прибыла. Нынешняя смена на связь не вышла. Поиски результата не дали».

Илья перечитал её. В официальном журнале за ту же ночь рукой другого человека было вписано: «Сигналов не было».

Дневник Громова лежал рядом, раскрытый на последнем листе. Бумага была влажной у края и порвана снизу. Несколько слов расплылись, но середину удавалось разобрать:

«16 ноября. Четвёртый огонь, которого никто не видел. Я видел его один раз. Или видел, как остальные три стали четвёртым. Завтра приходит смена. Не отвечать за них. Если спросят, не знаю, кому мы открывали дверь».

Под записью не было подписи.

Илья ощутил странное узнавание. На полях своего блокнота он уже написал: «Не отвечать». Коротко, без пояснений. Почерк вышел похожим на Громовский — те же прижатые буквы, тот же тяжёлый нажим. Он провёл рядом вторую черту, будто отделяя свою руку от чужой.

— Что ты думаешь? — спросил Коротков.

Илья посмотрел на официальную строку, потом на мокрые слова в дневнике.

— Что Громов что-то видел. Что он мог ошибаться. Что он мог скрывать ошибку. И что он хотел предупредить следующую смену.

— Это три разных ответа.

— Нет. Это три вещи, которые пока нельзя смешивать.

За окном море блеснуло под разошедшимися облаками. Башня оставалась неподвижной. Рация тихо потрескивала у Ильи на груди, ожидая следующего сеанса связи. Он не поднял фонарь и не подал сигнала в окно.

Он закрыл дневник, но не убрал его в шкаф. На отдельном листе записал: «Сигнал не подтверждён. Ответ не отправлен. Требуется сопоставить с другими источниками». Потом добавил время и поставил подпись.

Чужая запись не сказала ему, что произошло на острове. Она только показала, где начинаются вопросы и как легко страх заставляет подменить их готовым ответом. Илья уже не мог читать Громова как свидетеля, которому следует верить, или как человека, которому следует не верить. Он должен был читать его как человека, оставившего следы: неровные, противоречивые, возможно важные.

Перед выходом Илья ещё раз посмотрел на верхнее окно. Оно было тёмным. Он не знал, был ли там кто-нибудь и ждал ли ответа. Теперь он знал только одно: неизвестному сигналу не следует отвечать лишь потому, что он требует ответа.

Три вспышки с заброшенного острова

На следующую ночь Илья оставил дневник раскрытым на столе. Не потому, что ждал сигнала. Он так сказал бы себе, если бы кто-нибудь спросил. Просто хотел записать время, если на острове снова появится свет.

В двадцать два сорок одна в окне мелькнула первая вспышка.

Илья сразу поднял голову. За проливом, там, где на старой карте значился остров Лысый, в тёмном верхнем окне бывшей станции горел свет. Короткий. Погас. Второй — такой же. Потом третий, заметно длиннее.

Он не коснулся фонаря у двери.

Секундная стрелка часов шла с тихим сухим щелчком. Илья ждал, пока сердце перестанет стучать громче неё, и записал:

«22:41. Азимут прежний. Три вспышки. Первая около 0,4 секунды, вторая около 0,4, третья около 1,5. Интервалы примерно 0,5 секунды. Точность ручного замера низкая».

На расстоянии все три огня показались короткими — такими же, как в старой записи Громова. Но стоило засечь их время, и простая троица перестала быть простой.

Илья перевёл взгляд на часы. Восемь минут. Он не стал отходить от окна.

В двадцать два сорок девять остров вспыхнул снова: короткий, короткий, длинный.

Он отметил повтор. Потом ещё раз сверил время и положение огня. Тот не двигался, не смещался вдоль берега, не исчезал за гребнем волны. На острове, давно снятом со всех официальных карт как действующая станция, кто-то или что-то подавало одинаковый сигнал.

Илья отступил от окна. Фонарь у двери оставался на месте. Он не поднял его и не ответил.

Утром он начал с правил.

На полке в дежурной комнате стояли таблицы световых сигналов, справочник по навигации и папка с инструкциями, пожелтевшая на сгибах. Илья расположил их на столе в том порядке, в каком разбирал бы обычную неисправность: сначала оборудование, затем внешние источники света, затем значение сигнала.

Инструкция не обещала объяснить всё. Она обещала не дать перепутать вероятное с доказанным.

Он открыл раздел о сигналах бедствия. Три короткие вспышки могли соответствовать букве «С» в азбуке Морзе. Но международный сигнал бедствия «СОС» — это не три огня, а три коротких, три длинных, три коротких. Одна тройка не сообщала ни кто зовёт, ни что произошло.

Илья провёл пальцем по строке ещё раз. Вчера он видел не три короткие вспышки. Он видел две короткие и одну длинную.

В азбуке Морзе это было «У»: два коротких сигнала и один длинный. В таблице Международного свода сигналов буква «У» означала предупреждение: «Вы направляетесь к опасности». Но одиночная буква не давала ни координат опасности, ни её характера. А если свет с острова был именно буквой, оставалось понять, почему её повторяли так, будто ждали, что он узнает не букву, а что-то другое.

Он выписал на полях: «Возможно, предупреждение. Не подтверждено».

Затем проверил фонарь на своей башне. Вращающийся механизм работал ровно, питание не проседало, журнал технического осмотра не содержал отметок о перебоях. Частота вращения не совпадала с теми вспышками, что он видел. Главное — свет исходил с другого направления. Илья сверил азимут по окну, затем по карте: остров.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.